

Евгений ГАБРИЛОВИЧ:

КАКИМ Я ВИЖУ ГУБАНОВА-ВНУКА

НЕТ нужды представлять кинодраматурга и писателя Героя Социалистического труда ЕВГЕНИЯ ИОСИФОВИЧА ГАБРИЛОВИЧА. Фильмы, снятые по его сценариям — «Машенька», «Два бойца», «Монолог», «Коммунист», «Твой современник», «Начало» и многие другие, — стали классикой советского кино.

— Вы принадлежите к людям, чья юность совпала с Октябрьской революцией. Какую черту характера вы бы отметили особо, говоря о поколении, ее совершившем?

— Преданность идее. Я в те годы был юнцом, но знал многих из революционеров и чувствовал, что это люди особой стати. Это были, конечно, разные люди, но объединяло их главное — они были верны своим убеждениям и готовы идти за них на смерть. Потом я долгое время работал в газете, был спецкором «Известий», и мне приходилось не раз встречаться с людьми этого поколения уже по работе. Шли годы, но веру в торжество идеи Революции сохраняли они так же пламенно. Правда, жизнь уже ставила перед ними много новых вопросов — хозяйственных, нравственных, бытовых. Многие их суждения становились не столь прямолинейными. Идеи обрастали человеческой сущностью, преломлялись в судьбах людей, в реальных жизненных конфликтах.

Сложно и ответственно было отразить этот процесс в литературе и искусстве. Революционный экран далеких дней моей молодости был в своем главном и лучшем — показом масс в победах и поражениях. Помню, как в фильме «Последняя ночь» мы с Юлием Райзманом решили отойти от схемы и показать судьбу отдельного человека в революции. И все-таки многое нам тогда не удалось...

— Но вам это удалось сделать позднее — в фильме «Коммунист». Скажите, почему диалоги о коммунистах Губановых вы называете решающей для себя?

— Почему мне особенно дорог Губанов-старший? Этот образ, родившись не сразу, оказался на мой (пусть пристрастный) взгляд, правдивым образом коммуниста. И вот почему. Ведь обычно героем фильмов у нас был партийный директор завода, передовой рабочий, на худой конец прораб. А мы взяли с Райзманом обыкновенного солдата, только что вернувшегося с фронта. Сделали его кладовщиком. Но, пожалуй, не упустили главное — его ощущение себя коммунистом. Оно было в его душе, в его крови. Губанов партиец не потому, что имеет партийный билет, нет, это его сущность. Таких людей я встречал в юности. Меня иногда спрашивают, как возникло в моих сценариях слияние «человека бытового» и «человека исторического». Его подсказала жизнь. Ведь в каждом человеке по меньшей мере сокрыты сто комматов, а мы пока открыли двери только в пять-шесть, не больше. Мне представляется сегодня важнейшей задачей искусства, да и вообще всего идеологического фронта — открыть двери и в другие «комматы» человеческой души.

Губанов-младший из фильма «Твой современник» — герой не очень давнего периода нашей истории. Мне дорога была в нем опять же преданность идее. Во имя государственных интересов Губанов-младший, помните, жертвует карьерой. Отстаивая свою позицию в связи со строительством химкомбината, он знает, что лишится поста. Преданность идее остается, но на каждом этапе революции, развития общества возникают свои проблемы. Фильм этот, когда он вышел на экраны, не очень понравился кое-кому из крупных хозяйственных руководителей, министров.

— Евгений Иосифович, Губанов в «Коммунисте» погибает, совершая подвиг. Как вы это слово понимаете? И в каждом ли человеке заложена способность к подвигу?

— Слово это как-то стерлось, нивелировалось от частого — к месту и не к месту — употребления. Подвиг я отнюдь не считаю сиюминутным героическим порывом. На подвиг способен обычный человек в обычной

жизни. Как, например, классифицировать поступок бабушки, которая во имя внука отказывается от любимой работы, собственного спокойствия и самозабвенно посвящает себя его воспитанию? Нормой жизни, конечно. Но иногда и такой поступок — подвиг. Быть честным в искусстве до конца, что это — норма поведения? Да, но иногда и подвиг. Сегодня в стране происходят сложные, радующие меня процессы. Они требуют от нас высочайшего уровня правды в житейских поступках и в отношении к своему делу. Мы не замалчиваем наши достижения, но прямо говорим и о целом ряде явлений негативных. И делаем выводы на будущее. Например, история многих разоблаченных сегодня приписок очень поучительна. Они не в вакууме рождались. Нечестность в служебных делах переходила на взаимоотношения людей, касалась детей. Неискренность, несоответствие того, что человек думает, тому, что он говорит, — они ведь влияли на формирование мировоззрения молодых людей.

— Гражданская самореализация личности — от чего она, на ваш взгляд, зависит? И есть ли какие-либо полюсы, ее определяющие?

— Самое опасное, на мой взгляд, влиять только внешние черты гражданского поведения. Человек может внешне выглядеть чрезвычайно гражданственным, даже вся его жизнь может казаться образцом гражданственности. Но иногда это фасад, а если копнуть глубже, заглянуть в душу — там и иное. Главное, не попасть на удочку «показухи». В моем давнем сценарии фильма «Урок жизни» парень-студент, возвышаясь, поднимаясь по служебной лестнице, постепенно зарывался, увиваясь собственной власти. Этот сценарий мне показался актуальным сегодня, и я включил его в свое собрание сочинений. Всегда, на любых постах, надо оставаться гражданином своего Отечества — вот доминанта моего понимания сути характера советского человека.

— Удалось ли вам показать в своих фильмах подлинно счастливого человека? Какой смысл вы вкладываете в это понятие? И встретился ли вам такой человек в жизни?

— Сложный вопрос. Я считаю, что мы вообще злоупотребляем понятием счастья. Счастье — это вещь нечаящая. Счастье — это всплеск. Мы его постоянно ожидаем, оно же не всегда сбывается. Очевидно, счастлива была моя героиня Машенька в ту минуту, когда на фронте увидела своего любимого Алексея и поняла, что он ее тоже любит. Это и есть момент счастья. Мне думается, подлинные произведения искусства, пусть даже и с печальным концом, давая ощущение широты жизни, несут нам такие мгновенные моменты счастья.

— Для своей Ленинины вы выбрали драматические моменты в жизни Владимира Ильича. Почему?

— «Последняя осень» — первая моя картина о вожде революции. Это история его последних месяцев жизни в Горках. Во второй моей картине — «Ленин в Польше» — Владимир Ильич находится в тюрьме, в третьей — «Ленин в Париже» — он в эмиграции после разгрома революции 1905 года. Около него небольшая группа товарищей. Все сюжеты этих картин должны были нести главную смысловую нагрузку — веру Ленина в победу революции. Внутренний смысл этих картин — оптимизм. Нет, литавры и трубы в конце фильма, театральный хелпи-энд — это еще не счастливый конец.

— Если бы вы сегодня начали писать сценарий о представителе третьего поколения Губановых, каким бы он вам виделся, наш современник?

— К сожалению, я пока не работаю над таким сценарием... Знаете, ведь первоначально была идея после «Коммуниста» сделать фильм об Анне — вдове Василия Губанова. Она вступает в партию после его смерти, вместе со страной переживает индустриализацию, сороковые годы. Но появился сразу Губанов-младший. Третий Губанов — Губанов сегодняшних дней —

это очень сложное явление. Он на голову интеллигентней первого Губанова. Это человек, глубоко мыслящий, не боящийся смотреть правде в лицо. Активный участник сложных процессов, которыми живет сегодня страна. Он умеет отстаивать свою точку зрения. Он не довольствуется общими формулировками, и строка доклада даже с высокой трибуны должна быть понята не только его головой, но и пережита сердцем. Это глубоко партийный человек. Человек, ответственный за время, в которое живет. Так бы я определил главную черту его характера.

— Ваше понятие революционного момента в 80-е годы?

— Посмотрите, с каким горячим интересом люди читают сегодня газеты. Их волнуют события, которые связаны не только с их семьей, их благополучием, а проблемы, касающиеся всех нас, советских людей. Сегодня все процессы связаны с открытым течением общественной жизни. Полемика, честность в высказываниях, новая окраска рабочих собраний, откровенный и боевой их тон. Этот процесс не должен утратить свою остроту. И в то же время обсуждения, дебаты, дискуссии надо переводить в конкретное русло. Мы много говорим сегодня о борьбе с пьянством, но подчас отделяемся лишь общими фразами, как бы со стороны наблюдая за теми процессами, что происходят в жизни. А надо вмешиваться! Активно вмешиваться в жизнь, чтобы средствами искусства влиять на умонастроения современников. Той же борьбой с пьянством надо заниматься серьезно, средствами искусства. Для этого, в частности, надо снимать побольше действительно переклассных развлекательных лент с острыми сюжетами. Зрелищность может быть и проблемная картина, если проблема разработана основательно.

Досуг — дело серьезное. Для людей моего поколения на всю жизнь памятные диспуты в Политехническом, на которые очень трудно было прорваться. Где сейчас подобные встречи — без докладов, сценариев, бумажек, но на которых пульсирует, бьется, борется живая мысль?

— Какая тема вас волнует сегодня больше всего как сценариста?

— Очевидно, та, которая стала темой моего только что законченного сценария. Мне захотелось написать историю нашего великого XX века, громадного и трудного, чья история — это и масштабные события, и безмерность личных жизней. Действие фильма начнется в 20-е годы. Но судьба моей главной героини связана с Октябрем крепкими нитями. Уంచается фильм в наши дни. Историю Страны Советов героиня проживает вместе со своей жизнью. Задумал еще два сценария. Один о сложной любви двух взрослых людей. Но за любовной коллизией тоже должно угадываться Время. Диалоги героев — это острые вопросы нашей жизни. Второй фильм посвящен молодежи.

— Как вы к ней относитесь?

— Не ждите, брюзжать не буду. Не верьте старикам, когда они расписывают свою идеальную юность. И мы были разными. Были и в двадцатые годы пустоты. Но были и другие. Я когда-то сделал инсценировку «Павла Корчагина» для Мейерхольда. Особенно гордился одной сценой, которую придумал и которую Мейерхольд гениально воплотил на сцене. В темном, промерзшем бараке Павлу Коорчагину надо поднять на работу комсомольцев. Он начинает тихо приплясывать. И вот уже весь барак самозабвенно танцует в лучах прожекторов. Трагическая сцена, а сколько в ней было оптимизма. Жаль, что спектакль тогда не вышел на сцену.

Я верю в нашу молодежь. Сейчас мучаюсь, работаю над некоторыми ее словечками. Надо же! Просто сленг какой-то! Но не сленг, конечно, главное у молодого поколения 80-х. А совсем другое — социальный оптимизм! И здесь нет между нами барьеров. Разве только возраст...

Беседу вела
Н. ТЮРИНА.